

СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ

Никита Замеховский

Зверь Божий

Москва

Интернациональный Союз писателей

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
326

Продюсер проекта Елена Наливина

Замеховский, Никита
326 Зверь Божий /Н. Замеховский. — Москва : Интернациональный
Союз писателей, 2025. — 240 с. (Современники и классики).

ISBN 978-5-6054234-0-9

Период крещения Руси и прилегающего к ней угро-финского пограничья. Пятнадцатилетний славянский язычник Неждан, восемь лет страдавший параличом ног, вновь обретает способность ходить после встречи с христианскими проповедниками.

Желая оставить крестьянскую жизнь и стать воином при великокняжеском дворе, он идёт в Киев под наставничеством бывшего скандинавского наёмника, а ныне монаха брата Парамона. Однако его наставник, имеющий особые поручения от церковных иерархов, преследует в отношении него более глубокую цель.

Какие внешние и внутренние враги подстерегают героя на пути превращения из диковатого юнца в легендарного воина?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6054234-0-9

© Никита Замеховский, 2025
© Интернациональный Союз писателей, 2025

Былина — не единотканное полотно, это сшитый из наиболее ярких кусков памяти плащ, который издревле набрасывает народ на плечи своей истории.

И эта повесть такова – не реальность, но былина, которая должна быть у каждого старшего для всякого младшего, поскольку в ней намёк, во все времена бывший уроком разумному.

Никита Замеховский

Если ясное и очевидное само себя объясняет, то загадка будит творческую мысль. Вот почему исторические личности и события, окутанные дымкой загадочности, ждут от нас всё нового осмысления и поэтического истолкования.

Стефан Цвейг

*Посвящается моему другу, большому спортсмену
и настоящему человеку Д. Е. Сычёву.*

— У трэллей¹ не рождается берсерк², Бруно!

— Они бонды³, — ответил Бруно и почесал под рыжей с соломёнными концами бородой.

— Только трэлл живёт в вонючей яме, обложившись брёвнами, и гнёт спину, — сплюнул Кьяртан.

Его раздражала лошадь, лес, раздражало то, что он, непривычный биться конным, окостенел от скачки и, спрыгнув с лошади в той деревне, едва не споткнулся, когда на него бросился замотанный в вылезшую волчью шкуру мерянин⁴ с чёрным копьём.

Мерянину он выпустил кишки быстро и зло и ещё надрубил руку с копьём, пока, умирая, тот возился на навозе в клубке из собственных внутренностей.

Бруно наконец выудил вошь из бороды, рассмотрел её, раздавил и ответил:

— Медведи как раз и рождаются в ямах.

Несколько едущих рядом воинов согласно закивали.

По дубам прошелестел ветер, затерянные в кронах, тронутых утренними лучами, перекликались птицы, кони послушно перебирали копытами, лязгало железо. Впереди покачивались закинутый за спину круглый чёрно-жёлтый щит их ярла⁵ и широкий плащ сотника с муромского погоста.

¹ Трэлл (др.-сканд.) — раб.

² Берсерк (скандинав. berserk) — от ber — медведь, serker — рубаха, шкура. Воины, отличавшиеся неистовостью в сражениях.

³ Бонды — свободные земледельцы.

⁴ Меряне — древний финно-угорский народ.

⁵ Ярл — титул в средневековой Скандинавии.

— Мы бьёмся за трэллей, — проворчал, не унимаясь, Кьяртан.

— Мы бьёмся за славу, — улыбнулся Бруно и поудобнее устроился в седле.

— И серебро! — хохотнул кто-то сзади.

— Серебро, полученное в настоящем, всего лишь отблеск сияния славы в будущем! — обернулся, ещё шире улыбаясь, Бруно.

— Не много мы тут её добудем, — не сдавался Кьяртан, — отгоняя от трэллей ублюдков в вонючих шкурах...

— А мне всё нравится, особенно здешние пышные девки! — отозвались сзади, и послышались смешки.

Бруно тоже усмехнулся и, вдруг поворачив голову, уставил на Кьяртана пересечённое шрамом лицо с бледными, как капель, глазами и сказал:

— Слава здесь. Я чувствую. — И тише, так что его, наверное, могла услышать только рыжеватая, выделенная князем ему, как и всем урманам⁶, лошадь, добавил: — Только, может, и не наша...

И снова вспомнил, как встретил на щит копьё, присел, отвёл щит немного в сторону, ударил топором по замотанной в какие-то тряпки ноге, распрявился и снова осел, теперь словно смахнув топором воющему мерянину пол-лица.

Как метнулся через плетень, бросился на истощный бабий визг в тёмную низкую дверь. В дымной прелой полутьме перескочил через детское тело к чёрно-белой рычащей и надсадно визжащей куче из мельтешащих бабьих бледных ног, мужских жилистых рук, пытающихся развести эти ноги, кабаньей шкуры и холщовой понёвы⁷. Как, хакнув, рубанул спину в шкуре и оторвал от вопящей бабы мерянина, у которого изо рта хлынула кровь.

⁶ Урмане (*норман.*) — одно из названий викингов в Древней Руси.

⁷ Понёва — шерстяная юбка замужней женщины в русском народном костюме.

Как баба с воплем кинулась к лежащему на полу мальцу, упала, и Бруно, сграбастав детское тело, сделал шаг к ней. А малец, вдруг ожив, вывернулся из его рук, шлёпнулся на пол, попытался вскочить на ноги, но упал, словно они его не держали, и, зарывчав, на руках пополз не к голосящей, размазанной на земляном полу, как сметана, матери, а к ещё дёргающему ногой мерянину, чтобы душисть и рвать руками, зубами! На его губах пузырилась пена, глаза горели, на лбу расплывался синяк от удара древком копыя. Сколько ему — пять, семь лет?

«Слава... — ещё раз подумал Бруно, сын Регина. — Она появилась здесь, и мы её ещё услышим».

Отец, морщась и прихрамывая на ногу, в которую давно, ещё в тот день, восемь лет назад, угодила мерянская стрела, сволок оконце и освободил в избе воздух. Из-под двери потянуло весенней утренней прохладой. Старый, ещё с вечерней растопки дым, серый и отяжелевший, колыхнулся в сторону. Молодой синий дым заструился на его место, когда мать раздула угли под берестой.

— Нежданко, расщепи, — сказала она, оборачиваясь.

Лежавший на лавке Неждан перевернулся на спину, откинул рогожку, которой укрывал на ночь спину, рывком сел и, тряхнув головой, взял сначала одну, неподвижную, как колода, ногу, спустил на земляной холодный ещё пол, потом спустил вторую и привалился спиной к стене. Мать подала ему берёзовый разветвлённый обрубок. Взявшись за рогульки, Неждан напрягся и развёл их в стороны, расщепив обрубок посередине. Мать с улыбкой подала ещё такой же.

— Силища, — буркнул отец, — да бестолковая.
— Коли не урмане... — начала мать.
— Урмане! — вдруг взвился отец и задвигал чёрными, корявыми от работы руками. — Опять ты про урман своих! Урмане пахать будут?!

Мать закрыла собой опустившего голову Неждана.

— Коли не урмане, и его, и меня бы прибили тогда...

Лицо отца сделалось тёмным и влажным, как борозда, и он закричал через серую бороду:

— Не урмане ли свыше княжей дани у мерян берут и на нас вся мурома⁸ пошла? Не те ли урмане у них рощи святые жгли?! Жили обочь — они по лесам, мы по приречью, все своим богам молились, нет, мало им от нашего пота брать, взялись по мерянским деревням рыскать! Другого бога насаждать урманскими топорами, когда урмане твои сами грому кланяются!

Мать от Неждана бросилась к отцу, не боясь побоев, схватила за плечи и, теперь словно прикрывая его, как до этого от него прикрывала Неждана, зашептала:

— Ты что, услышит кто...

— Донесут — по Правде⁹ отвечу, — сказал отец, глянул на Неждана и добавил: — Волхвы, что ему другое имя после того, как обезножел, нарекли, не правы, не Богуслав он. Боги нас прокляли. Как был Неждан, так и остался.

Оторвал от себя плачущую жену и вышел в голубеющий от весеннего рассвета проём распахнутой двери.

Неждану шёл пятнадцатый год. Он перестал ходить с того летнего утра, когда мерянские рода, возмущённые не столько данью, сколько свержением их священных камней и дубов

⁸ Мурома — одно из мерянских племен.

⁹ Правда — сборник правовых норм Киевской Руси.

княжьими гридями¹⁰ и княжьими же урманам, бросились мстить. Ему тогда было семь.

Грабили, жгли, уводили скот, детей и особенно девок, чтобы резать для принесения в жертву лесным богам.

Когда набеги стали частыми и с весей подобрались к богатым пашней селищам, сотский ближнего городища по оврагам, дальше от реки, у одного из них поставил гридь и урман.

Меря тихо пришла из-за речного тумана на рассвете. Рассыпалась по селищу молча, по-охотничьему. И завyla по дворам вся разом, когда вдруг залаял чей-то пёс, тут же сбитый стрелой.

Мужики, выскакивая на свои дворы из изб, натыкались на копё, рогатину, топор или короткие чёрные стрелы.

Воины в звериных шкурах с намазанными углём плоскими лицами их не щадили.

Урмане и княжья гридь подошли, когда меря вошла в раж и убивала, почти не встретив сопротивления. На что и рассчитывал урманский ярл, когда давал советы, как поступить нетерпеливо дёргающему узду сотнику.

Мерю по дворам и избам перебили всю, оставив по совету того же ярла только двоих, которым урмане отрезали уши и отпустили, чтобы было кому рассказать о том, что лесные боги отвернули свои морщинистые, как кора, лица от воинов в звериных личинах.

Неждан из того утра помнил только вой, крики, материнский вопль и две вспышки в голове. Одну багрово-красную, когда что-то больно ударило его в лоб, и вторую — синюю и страшную, ледяную, в которой красная боль растворилась, исчезла, и ей на место пришла ярость на чёрное, дёргающее ногой тело, лежащее перед матерью в луже крови. Ярость бесконечная и жестокая, как зимний буран.

Только ноги с тех пор не ходили, хотя холод и тепло чувствовали. Он их бил, щипал, украдкой прижигал угольком. Больно

¹⁰ Гридь — дружина.

было, а идти не мог — валился как сноп. Потому ползал на руках по избе и двору.

Соседский Хотён, ровесник Неждану, обзывал его чурбаком и обрубком и кидал на голову грязь, смешанную с навозом. Хотёна за это прутлом поперёк спины однажды перетянул Хотёновский дед, посмотрел на Неждана, покачал головой и плюнул от беды. А Неждан на следующий день с утра ползал по двору, собирал и складывал поленья, что готовил к зиме отец, и ждал.

Хотёна он сначала не увидел. Услышал из-за плетня смешки и перешёптывания. Там собралось человек пять ребят, которыми Хотён верховодил. И теперь подзуживали, когда он перелез через плетень со свежим коровьим дерьмом на куске коры.

«Дурак», — подумал Неждан, видя, как надвигается и вырастает над ним тень Хотёна, которому солнце било в спину. Услышал, как грудь тому распирает едва сдерживаемый смех, но упрямо полз к поленнице, удерживая правой рукой полено, а левой упираясь в землю, делая вид, что не замечает.

Хотён видел перед собой мёртвые, но почему-то толстые ноги с восковыми пятками, грязную холщовую рубаху, доходившую до колен этих ног, спутанные тёмно-русые вихры, на которые с хохотом ляпнул коровью лепёшку.

И вдруг всё завертелось. Он почувствовал, как железные руки схватили его за лодыжки так, что заверещал не столько от неожиданности, сколько от боли, и прежде чем на него надвинулась земля, вышибив дух, увидел синие, сияющие яростью глаза на лице, по которому текло коровье дерьмо прямо к пузырящимся пеной губам.

Неждан дождался, когда Хотён сделает, что задумал, чтобы подпустить ближе, и, перевернувшись на живот, хватая за ноги, приложил об землю и, рыча и ничего не помня, полез на распластанное тело, чтобы вмять, раздавить.

